

Оглавление

- Байрамова Ф.О. К вопросу о фонетических признаках акцента при установлении родного языка говорящего
- Баранова А.И. Коммуникативная провокация как прием создания комического средствами коммуникативного уровня (на материале творчества С.Филиппова)
- Беговатова М.А. Ассимиляция заднеязычных согласных по твердости / мягкости на стыках слов в современном русском языке
- Дурягин П.В. Эллипсис гласных и слоговая структура слова в русской разговорной речи
- Ремесло В.Ю. Роль средств коммуникативного уровня русского языка в создании комического образа
- Роговнева Ю.В. Фонетические анекдоты
- Тимофеев В.В. Реализация гласных фонем в русских приставках в зависимости от длины безударной цепи

**К вопросу о фонетических признаках акцента
при установлении родного языка говорящего**

Байрамова Фируза Оруджевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Процедура установления родного языка говорящего с акцентом в идеале представляет собой несколько этапов анализа речевого материала. Исследователь (эксперт) многократно прослушивает исходную запись, проводит перцептивный анализ звучащей речи (обязательно проверяет его результаты в ходе акустического анализа), выявляет отклонения в речи говорящего с акцентом, классифицирует их (рассматривает такие критерии как типичность, регулярность, совместимость выявленных признаков), определяет, носят ли они системный характер, выявляет особенности системы родного языка говорящего и делает вывод о родном языке говорящего или о группе языков, к которой он мог бы принадлежать (следует учитывать возможную попытку имитации того или иного акцента). Исследователь движется от конкретного звукового материала (нулевой уровень абстракции), выявляет определенные отклонения в речи говорящего с акцентом – в частности, на уровне аллофонов (звукотипов) – единиц речи, имеющих конкретные акустические и артикуляционные характеристики и представляющие первую ступень абстракции от конкретных речевых акустических сигналов [Винарская, Златоустова: 103] (первый уровень абстракции) – путем сравнения с речью носителя русского языка и определяет системные особенности интерферирующего языка – в частности, фонемную систему родного языка диктора (второй уровень абстракции).

Такая последовательность действий представляется продуктивной и очевидной. Однако на практике при установлении родного языка в основном оперируют данными первого уровня абстракции – аллофонами, а не фонемами. Причину этого мы видим в том, что говорящие на неродном языке в первую очередь имитируют звуки, а «имитация звуков речи естественно предполагает сохранность структуры звукотипов» [Винарская, Златоустова: 105], поэтому можно предварительно заключить, что говорящие на неродном языке воспроизводят нормативную последовательность звукотипов, а не фонем.

Кроме того, выявление фонемной системы родного языка говорящего с акцентом представляет собой трудновыполнимую задачу. Столь необходимые для определения фонемного инвентаря минимальные пары не даны «в чистом виде», речь идет не о звукосочетаниях, свойственных родному языку говорящего с акцентом, а о звуковых цепочках русского языка, воспроизведенных в ином, отличном от русского артикуляционном оформлении.

Таким образом, основной упор в решении задачи установления родного языка говорящего делается на комплексном исследовании сегментных и супraseгментных характеристиках иностранного акцента, который, будучи прямым следствием межъязыковой интерференции [Петрянкина: 3], проявляется в отклонениях от речи носителей русского языка. Это могут быть отклонения трех типов: 1) отклонения, допускаемые иностранцами – носителями различных языков; 2) отклонения, допускаемые только иностранцами – носителями какой-либо определенной группы (или групп языков); 3) индивидуальные отклонения.

Все типы отклонений связаны с прочностью навыков, полученных при изучении (системном и коммуникативном) русского языка, и будут проявляться с разной степенью регулярности, в зависимости от уровня владения русским языком. При этом важно отметить, что акцентное произношение отдельных звуков и звукосочетаний, представляющих собой «звуковой скелет» потенциальных высказываний, существенно изменяет ритмическую модель фонетического слова, и, следовательно, влияет на слуховое восприятие интонационного оформления фразы в целом, а разнообразные просодические характеристики высказываний обуславливают позиционные проявления тех или иных

артикуляционных особенностей звуков. Так, нарушение редукции может восприниматься как перенос ударения в фонетическом слове и выделение гласного безударного слога.

Таким образом, соотношения контурных и сегментных изменений целесообразно рассматривать во взаимодействии, при этом важно отделять собственно произносительные навыки от навыков коммуникативного озвучивания высказываний.

Литература

Винарская Е.Н., Златоустова Л.В. К вопросу о фонеме // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1977. № 1. С. 103-108.

Петрянкина В.И. Экспериментально-фонетическое исследование иностранного акцента. Методическая разработка. М., 1975.

Коммуникативная провокация как прием создания комического средствами коммуникативного уровня (на материале творчества С.Филиппова)

Баранова Анна Ивановна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москвы, Российской Федерации

Тема данного доклада – коммуникативная провокация как прием создания комического (на материале творчества С.Филиппова). Объектом исследования является звучащий диалог. Работа выполнена в рамках метода семантического анализа коммуникативного уровня русского языка [Безяева].

Система значений коммуникативного уровня включает значения целеустановки, значения конструкций, реализующих данную целеустановку, и значения коммуникативных средств, формирующих данную конструкцию. Средства формирования коммуникативного уровня делятся на две группы. Первую группу составляют собственно коммуникативные средства (междометия, интонация и т.д.), во вторую входят средства, которые функционируют на номинативном уровне, но способны также формировать коммуникативные значения (грамматические категории различных частей речи: время, вид и т.д.).

Каждое коммуникативное средство имеет набор инвариантных параметров. Реализация этого набора подчинена алгоритму развертывания, который состоит в их антонимическом развертывании и розыгрыше по позициям говорящий-слушающий-ситуация.

В отличие от ряда работ, изучающих комическое на номинативном уровне, объектом нашего исследования является создание комического при помощи средств коммуникативного уровня. Материалом исследования служат звуковые дорожки кинокомедий с участием В.Этуша, Р.Плятта и С.Филиппова. На анализе творчества данных актеров были выявлены следующие приемы создания комического: коммуникативное обострение (либо намеренное сокрытие) контраста, заложенного в ситуации; коммуникативная апелляция к зрителю как носителю представлений современного и несовременного социумов; коммуникативный алогизм; коммуникативная провокация.

В данном докладе мы остановимся на последнем приеме и продемонстрируем его функционирование на материале творчества С.Филиппова, в частности комедии Л.Гайдая «12 стульев».

Творческой манерой С.Филиппова является предельный эксцентризм и театральность как на речевом, так и на визуальном уровне (мимика, жест). Такая манера игры объясняется тем, что С.Филиппов предельно ориентирован на зрителя. Поэтому прием коммуникативной провокации, предполагающий активное участие зрителя, часто используется Филипповым для создания комического эффекта.

Данный прием заключается в контрасте ожидаемого и реализованного варианта. Этот контраст может формироваться только коммуникативными средствами (в этом

случае при помощи средств коммуникативного уровня задается один вариант, а затем реализуется другой), а может быть продублирован средствами номинативного уровня. Кроме того, коммуникативная провокация может разворачиваться только по позиции третьего лица (зрителя) или же по позиции третьего лица и собеседника одновременно.

Продemonстрируем работу коммуникативных средств на примере двух эпизодов из комедии «12 стульев».

Рассмотрим пример, в котором средства коммуникативного уровня поддерживаются номинативными средствами. Киса приводит Елизавету Петровну в ресторан и делает заказ.

- Тогда так!/² Дайте нам/⁶ сосиски./² Вот эти вот./² За рубль двадцать./⁶ Бутылку водки/⁶ и/² все.

Союз *и*, обозначающий в данном случае соответствие предполагаемому развитию событий, а также ИК-6, которая имеет параметр привлечения внимания к неназванной информации, готовят зрителя к продолжению заказа. Ожидание разрушается номинативным *все*, интонированным с ИК-2 (только данный озвученный вариант является единственно возможным, с точки зрения говорящего). Коммуникативная провокация в данном случае разворачивается по позиции зрителя.

В другом эпизоде (сцена знакомства Кисы и Елизаветы Петровны) коммуникативная провокация ориентирована как на зрителя, так и на собеседницу.

- А, простите за нескромность,²/ сколько же вам лет?³

- К науке, которую я в данный момент представляю,⁶/ это не имеет никакого² отношения.

- А все-таки?² Тридцать?

- О-хо-хо-хо-хо!^{6 6 6 6}

- Сорок?³

- А-ха-ха-ха-ха!^{6 6 6 6}

- Пятьдесят?^{3\1}

- Хо-хо-хо-хо!/^{6 6 6 6} Почти./¹ Тридцать восемь.²

В данном случае коммуникативную функцию выполняет смех, который, с одной стороны, подчеркивает некомпетентность героини, а с другой, настраивает собеседницу и зрителя на ожидание того, что Киса назовет свой настоящий возраст. Разные типы смеха имеют свои инвариантные значения: междометие *хо* маркирует расхождение представлений героини и знаний Кисы, а междометие *ха* означает, что Лиза никак не может войти в новую ситуацию, то есть угадать его возраст. Данные смыслы поддерживаются ИК-6, привлекающей внимание к неназванной информации, известной говорящему и неизвестной собеседнице и зрителю. Подчеркивая некомпетентность героини, Киса побуждает ее предлагать все новые варианты. В тот момент, когда зритель и Лиза ждут от Кисы правильного варианта, происходит обман этого ожидания: он называет вариант, близкий к предложенному изначально и не соответствующий истине.

Заметим, что в романе И.Ильфа и Е.Петрова «12 стульев» в рассмотренной сцене функционируют только средства номинативного уровня. Следовательно, данная коммуникативная игра отсутствует, а комический эффект значительно ослабевает.

– А сколько вам лет, простите за нескромность?

– К науке, которую я в настоящий момент представляю, это не имеет отношения.

– Но все-таки? Тридцать? Сорок? Пятьдесят?

– Почти. Тридцать восемь.

Итак, источником комического в рассмотренных эпизодах является «обманутое ожидание» зрителя. Филиппов при помощи средств коммуникативного уровня (работающих самостоятельно или в паре с номинативными средствами) готовит зрителя (и зрителя, и собеседницу) к одному варианту развития событий, реализуется же совершенно другой вариант. Сравнение с оригинальным текстом демонстрирует решающую роль средств коммуникативного уровня при формировании комического, в частности, приема коммуникативной провокации.

Литература

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

**Ассимиляция заднеязычных согласных по твердости / мягкости
на стыках слов в современном русском языке**

Беговатова Марина Александровна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия

В русском языке в некоторых сочетаниях согласных имеют место различные контекстные изменения (ассимиляция, диссимиляция, коартикуляция). Большинство этих явлений наблюдается как внутри, так и на границах фонетических слов – за исключением ассимиляции по твердости-мягкости.

Тем не менее, в ряде случаев аудитивный анализ показывает, что в сочетаниях твердого велярного согласного с мягким на стыках слов уподобление по твердости-мягкости все-таки возможно.

Это наблюдение было подвергнуто экспериментальной проверке. Для исследования были выбраны только глухие заднеязычные ([x] и [x']), один из которых замыкал первое слово, а другой начинал следующее – таким образом на этом стыке мы вправе были ожидать сочетания типа [xx'] [Панов: 168]. Словосочетания с анализируемыми кластерами (*маленьких хижин, произошедшее на днях хищение, крупных хищников, прославленных хирургов, городских химчисток, своих хитроумных, едких химикатов*) были включены в связный текст, прочитанный 21 информантом; звуковая запись впоследствии подвергалась различным видам анализа – аудитивному, спектрографическому и социологическому.

Результаты исследования приведены в таблице:

	[xx'] / %	[x'] / %	[x'x'] / %	[–] / %
маленьких хижин	6 / 28,6	4 / 19	11 / 52,4	–
на днях хищение	3 / 14,3	10 / 47,6	8 / 38	–
крупных хищников	13 / 61,9	6 / 28,6	2 / 9,5	–
прославленных хирургов	8 / 38	7 / 33,3	4 / 19	2 / 9,5
городских химчисток	4 / 19	7 / 33,3	10 / 47,6	–
своих хитроумных	3 / 14,3	11 / 52,4	7 / 33,3	–
едких химикатов	4 / 19	3 / 14,3	14 / 66,7	–

В таблице первая цифра означает количество соответствующих произнесений; далее – процент от общего числа произнесений (100 % – 21 человек).

Решения об отнесении примера к соответствующей графе, т. е. определение того, что именно было произнесено в том или ином случае – [xx'], [x'] или [x'x'] – принимались на основании следующих факторов:

- Аудитивный анализ проводился по окончании записи диктора автором данной работы с целью определить на слух, что произнесено.

- Экспериментально-фонетический (в данном случае спектрографический) анализ параметра твердости/мягкости на спектре связан прежде всего с локализацией шума [x]. На примере [x] и [x'] в интервокальном положении было установлено, что стандартной высотой центральной части шума для [x'] является 3 500 Гц и выше, для [x] – 2000 Гц. Однако во многих случаях локализация шума находилась не на одном уровне, а менялась

– поднималась или опускалась от начала к концу (что является отражением перехода твердого согласного в мягкий и наоборот). Но и это явление не всегда подвергалось однозначной интерпретации, тогда использовался третий метод анализа:

• Социологический анализ применялся в самых сложных случаях. Сначала для прослушивания испытуемым предлагались полные фразы-словосочетания, например *зимних холодов*, *городских химчисток* и т. д. Однако вскоре стало ясно, что данные, полученные таким методом, не являются вполне объективными, т. к. знание смысла и, соответственно, влияние орфографии при таком подходе неизбежно. Тогда из словосочетаний были удалены лишние фрагменты начала и конца слов и оставлены только интересующие нас сочетания глухих заднеязычных в окружении гласных – перед сочетанием и после. В таком виде опознать исходные фразы было уже невозможно, и все внимание испытуемых сосредоточилось исключительно на слуховом восприятии. Однако и здесь бывали неоднозначные ситуации, когда в ряде случаев участники теста расходились между собой в ответах. Решение принималось по большинству ответов; если же противоречие было пропорционально равным, через некоторое время этот же фрагмент давался для прослушивания снова, и – опять же, по большинству – принималось окончательное решение.

Третья графа, со звуками [x'x'], отражает непосредственную ассимиляцию твердого согласного мягкому. Заметим, что все примеры, имеющие наибольшее количество произнесений [x'x'], содержат гласный переднего ряда в слоге непосредственно перед [x]: ма[л'ьн'к'и]х хижин, городс[к'и]х химчисток, сво[и]х хитроумных, [jetк'и]х химикатов. Единственным не подпадающим под эту закономерность словосочетанием является сочетание на д[н'а]х хищение, однако и здесь мы все же имеем мягкий согласный, под влиянием которого происходит продвижение [a] вперед по ряду.

В случаях *едких химикатов* и *маленьких хижин* наблюдается наибольшее количество произнесений [x'x'], и в обоих случаях часто фиксируется полная (до нуля) редукция заударного гласного: [jetк'x' x'(и)м'и]катов, ма[л'ьн'к'x' x'и]жин. Таким образом, на произношение конечного в слове согласного влияет не только последующий, но и предшествующий согласный: произнести твердый согласный между двумя мягкими гоморганными практически невозможно.

Полученные в ходе исследования результаты дают основания для вывода о том, что смягчение (ассимиляция или коартикуляция) заднеязычных согласных по твердости/мягкости на стыках фонетических слов происходит достаточно регулярно, причем данному явлению могут способствовать такие факторы, как: 1) наличие предшествующего сочетанию гласного переднего ряда; 2) присутствие в соседнем слоге гоморганного мягкого согласного. Немаловажной является и фразовая позиция словосочетания (место в предложении относительно фразового ударения), этот фактор нуждается в дополнительных исследованиях.

Литература

Панов М.В. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.

Эллипсис гласных и слоговая структура слова в русской разговорной речи

Дурягин Павел Васильевич

Студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Данная работа представляет собою анализ изменений слоговой структуры слова и других фонетических процессов, имеющих место при эллипсисе редуцированных гласных в различных консонантных окружениях в русской разговорной речи.

В традиционном описании современного русского языка наличие слога определяется наличием слоговой вершины, т. е. гласного или обусловленного контекстом слогового согласного. Проблема слоговой структуры русского слова встает острее, когда

мы рассматриваем примеры с эллиптированными гласными. Очевидно, что ритмическая структура слова и фразы является важной частью звукового сигнала, следовательно, за утратой гласного в слове следуют некие компенсационные процессы, призванные сохранить ритмическую структуру. Для того, чтобы определить возможность утраты слога в том или ином консонантном окружении, мы предлагали информантам прослушать минимальные пары (такие, как [пОл'(и)л'и] - [пОл'л'и], [зам'Ет'(и)т'ь] – [зам'Ет'т'ь], где в круглых скобках – гласный, способный утрачиваться), т. е. слова, различающиеся только наличием гласного, реализованного нулем звука/отсутствием гласного вообще. Выяснилось, что в результате эллипсиса гласных в русской разговорной речи могут образовываться два типа консонантных сочетаний: сочетания согласных, разрешенные русской фонотактикой, и запрещенные сочетания (например, сочетание двух шумных согласных, различающихся по признаку глухости/звонкости). В результате проведенных экспериментов мы убедились, что данное различие является исключительно важным для интерпретации слушающим консонантных сочетаний и определения наличия или отсутствия гласного в нулевой реализации (а следовательно, и наличия/отсутствия слога). Запрещенные сочетания согласных, образующиеся в результате эллипсиса редуцированных, всегда являются в процессе восприятия и интерпретации звуковой цепочки сигналом о наличии слога. Зная о том, что в рамках данного сочетания лежит слоговая граница, информант без труда восстанавливает утраченный редуцированный, тем самым, во-первых, избавляясь от запрещенного фонотактикой сочетания, а во-вторых, возвращая слогу его законный признак – слоговую вершину в виде гласного. Разрешенные же сочетания согласных вне контекста чаще всего не несут на себе следов утраченного гласного. Очевидно, что два этих типа сочетаний, имея одинаковую природу, в процессе восприятия существенно различаются: в одном случае эллиптированный гласный восстанавливается автоматически, в другом же – только исходя из контекста (если отсутствует качественно-количественное изменение согласных, или оно незначительно, слушающий использует более широкий контекст и определяет семантику слова для того, чтобы восстановить его полный фонемный состав).

Эллипсис гласных в русской разговорной речи влечет за собой ряд фонетических явлений, нехарактерных для так называемого «кодифицированного русского языка»: появление новых консонантных групп, отмену действия некоторых правил коартикуляции, а также появление у согласных новых признаков, релевантных для определения наличия или отсутствия слоговой вершины в сегменте.

1) Появляющиеся в результате эллипсиса гласных новые консонантные сочетания весьма разнообразны. К ним можно отнести, например, сочетания двух согласных, различающиеся только по признаку твердости / мягкости ([м'(и)махОдъм], [вАн'(и)нъ]); сочетания согласных, обычно невозможные в абсолютном начале ([л'(и)манАт], [н'(ь)магУ]) и конце слова ([укУш(ь)н], [астАв'(ь)л]). Перечисленные сочетания не встречаются в кодифицированном русском языке, однако не являются труднопроизносимыми. По-другому дело произносит с теми группами согласных, которые представляют собой трудности с точки зрения артикуляции. Такие сочетания согласных изменяются в потоке речи по особым правилам. Так, например, аффрикаты в соседстве с шумными согласными могут либо приобретать долгую смычку ([вИт'(ь)ч'къ]), либо, напротив, утрачивать ее ([знАш'т], [хОш'ш]).

2) Выяснилось, что в образующихся после эллипсиса редуцированных группах согласных не действуют некоторые правила ассимиляции. Наглядным примером отмены правил является отсутствие ассимиляции соседних согласных по глухости/звонкости ([мОж(ь)ш], [тЭз'(ь)сь]). Также после утраты редуцированного могут не действовать правила ассимиляции по твердости / мягкости согласных ([пУт(ь)н'иць], сравн. [пУт'н'иць]) и месту образования ([з(ь)жымАт'], [с(ь)ч'итАць], сравн.: [жжымАт'], [ш'итАць]).

3) В отдельных случаях в результате утраты редуцированного гласного соседние согласные претерпевают качественные изменения. Такие приобретенные признаки становятся своего рода сигналами о наличии слога в сегменте, они позволяют восстановить утраченный гласный для верной интерпретации услышанного. Принято считать, что в русском языке сонорные согласные в определенных контекстах могут приобретать слоговость, в разговорной же речи вершиной слога могут быть также и щелевые согласные ([в(ь)вад'Ит'], [з(ь)зываТ']). Физически эта особенность выражается в повышении интенсивности сегмента по сравнению с соседними согласными. Другим сигналом о наличии слога может служить лабиализованность согласного в том случае, если этим признаком обладал соседний утраченный редуцированный. (Пример: [наУр(ьв)н'ь] → [наУр^он'ь], сравн.: [наУрн'ь]). Утраченный сегмент [в] оставляет след лабиализации на предшествующем гласном, который позволяет слушающему без труда восстановить утраченный слог и различить слова в паре «на уровне» - «на урне»).

Роль средств коммуникативного уровня русского языка в создании комического образа

Ремесло Вера Юрьевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Данное исследование выполнено в рамках семантического анализа коммуникативного уровня русского языка [Безяева]. В его основе лежит противопоставление номинативной и коммуникативной функционально-семантических систем. В отличие от номинативного уровня, который передает информацию о действительности, преломленную в языковом сознании говорящего, коммуникативный уровень отражает соотношение позиций говорящего, слушающего и квалифицируемой ими ситуации. В настоящей статье проводится сопоставление авторского и актерского прочтения текста с точки зрения создания комического образа.

Анализ проводится на материале текста монолога «Для вас, женщины», написанного М. Жванецким в 1967 г. специально для Аркадия Райкина, который блистательно воплотил на сцене образ вечного холостяка-ловеласа. Однако зрителю этот монолог известен и в прочтении самого автора (цикл передач НТВ «Весь Жванецкий»).

Прежде всего, надо сказать, что комизм монолога в исполнении Жванецкого основан преимущественно на номинативном уровне, средства же коммуникативного уровня лишь дублируют прописанный комический образ. В отличие от автора, Райкин с помощью коммуникативных средств активизирует иные возможности текста. Остановимся на некоторых из них.

При выборе из нескольких коммуникативных средств Райкин выбирает то, которое работает на создание комического образа. В исполнении Жванецкого холостяк говорит о своих «побегах» от женщин, используя глагол совершенного вида, т. е. описывает ситуацию как свершившийся факт: *И я сбежал к одной врачихе*. Райкин же подчеркивает именно неспособность героя противостоять своей природе ловеласа, т. е. делает упор на комический образ. Актер средствами коммуникативного уровня показывает необходимость этих «побегов» («я бы и рад был остаться, но должен был сбежать»), используя глагол несовершенного вида: *И я бежал... к другой*. Коммуникативный параметр формы несовершенного вида – «должное, необходимое, нужное» [Безяева]. Тем самым достигается и дополнительный комический эффект – совмещение несовместимого: чувство долга у человека, который обманул уже не одну женщину.

Кроме того, средства коммуникативного уровня позволяют актеру усложнить создаваемый образ, сделать его многослойным. Одним из возможных вариантов является взгляд на героя со стороны. Например, у Жванецкого на коммуникативном уровне весь монолог представлен линейно, от лица персонажа. Рассказывая о себе, холостяк делает

акцент на своей профессии бухгалтера, выделяя цифры и арифметические знаки. Комизм основан на номинативном уровне:

Я холостя¹к. /Не стар¹ый./ Мне восемна¹дцать / до семна³дцатого года, / плю²с пятьдесят один, / ми²нус подходящий, /плю²с бездетность./ Я по профессии бухгал¹тер.

Райкину удается создать более сложный и трогательный образ. Так, например, характерная особенность его исполнения – наличие пауз внутри синтагмы, что снижает темп речи и создает образ уверенного в себе мужчины, умеющего подать себя. Однако, несмотря на эту уверенность, холостяк с первых слов дистанцируется от слушателей и от их мнения о себе (параметр ИК-4). Упор делается не на профессию героя, а на его натуру ловеласа: ИК-6 с параметром знания привлекает внимание женщин не только к названной информации, но и к неназванной. Кроме того, Райкин использует возможности коммуникативного уровня, чтобы мгновенно выйти из образа и вместе со зрителями посмотреть на героя со стороны. Просодическое оформление парантезы (ускорение темпа, сопровождающееся понижением тона) «до семна³дцатого года» показывает, во-первых, комичную попытку героя скрыть разницу между субъективным мнением и реальным возрастом, а, во-вторых, выход актера из образа, его солидаризацию со зрителями (ввод информации, которую понимает и видит зритель):

«Я... холостя²к. /Не стар⁴ый./ Мне⁴... восемна²дцать лет/ ↓до² семна³дцатого года./ плю²с пятьдесят ше⁶сть, / плю⁶с подходящий, /ми⁶нус бездетность./ ↓Я... по профессии бухгал²тер./ Итог⁶/семьдесят четыре ...с копее²йками».

Еще одним вариантом усложнения образа является использование речи героя для изображения другого персонажа. Рассказывая о женщинах, Жванецкий создает лишь образ холостяка. Райкин уже в речи самого героя показывает не только взаимоотношения, но и всех его избранниц, что особенно ярко проявилось в истории с женщиной-врачом. Холостяк в исполнении автора говорит с нейтральной ИК-2, просто сообщая факты: «...и те²ма очень интересная - /что-то там в носу²». Актер же использует эту характеристику, чтобы показать зрителю еще и образ женщины, поэтому говорит ее интонациями:

И те⁴ма очень интересная- /что-то там в носу⁴. /Большая ум⁴ница.

ИК-4 с параметром соотношения, действительно, характерна для этого персонажа, что Райкин демонстрирует чуть позже, приводя ее прямую речь вновь с этим же интонационным контуром. Зритель получает возможность увидеть не только самого холостяка, но и его очередную избранницу: «Что⁴ это, Сигизмунд?/<...> Правильно, Сигизмунд⁴».

Таким образом, сопоставив два варианта прочтения одного монолога: авторское – Жванецким и актерское – Райкиным, мы показали, что актер, активизируя средства коммуникативного уровня, создает объемную картину, в которой совмещает не только выразительность комического образа и сопутствующих ему персонажей, но и взгляд на них со стороны. И наоборот, комизм, создаваемый при авторском прочтении текста, основывается преимущественно на номинативном уровне, средства же коммуникативного уровня играют второстепенную роль.

Литература

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Фонетические анекдоты

Роговнева Юлия Васильевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

С точки зрения механизма создания комического эффекта существует два основных типа анекдотов:

1. Анекдоты, в которых обыгрывается нелепость ситуации, несоответствие наших представлений о мире поведению персонажей (так называемые «референциальные» анекдоты);

2. Анекдоты, в которых обыгрывается то или иное языковое явление, когда причиной смешного становится языковая игра, а не ситуация (так называемые «лингвистические» анекдоты). В основе шутки могут лежать многозначность, омонимия, стилистическая дифференциация лексики и другие языковые явления, среди которых значимы и фонетические особенности.

В основе фонетических анекдотов либо лежит звуковая игра, либо в них обыгрываются фонетические термины. Разумеется, последняя возможность используется редко, поскольку такие произведения понятны лишь узкому кругу специалистов:

Приходит комиссия в сумасшедший дом.

– *А вот здесь у нас сидят филологи.*

Заходят. Психи висят на занавесках. По знаку одного из них часть сумасшедших падает на пол. Члены комиссии спрашивают:

– *Почему они упали?*

– *Они редуцированные.*

– *А почему другие остались?*

– *Они в сильной позиции.*

Основная часть фонетических анекдотов построена на звуковой игре. Систематизация подобного рода шуток может быть связана с типом актуализируемых языковых явлений, среди которых выделяются следующие:

1. Омофония межъязыковая. По звучанию многие иностранные слова напоминают русские, и это обыгрывается в анекдотах: – *Ту тикетс ту Даблин!* – *Куда, блин?* – *Туда, блин.*

2. Омофония внутриязыковая. Чаще всего в шутке актуализируется разница в границах грамматических слов при принципиальном тождестве границ фонетических слов:

Рабочий на стройке:

– *Мы проводку забыли!*

Прораб:

– *А вот про водку мы как раз не забыли!*

Описанное фонетическое явление может осложняться одновременным обращением к морфологическим и морфемным закономерностям:

В классе диктант. На фразе «Принц осчастливил Золушку подарком» Вовочка поднимает руку.

– *В чем дело, Вовочка?*

– *А разве слово «арка» мужского рода?*

3. Намеренное смещение границ фонетического слова (сужение / расширение) при сопоставлении с объемом грамматического слова:

Программа «Время». Екатерина Андреева читает:

– *Официальные новости. Трипер... – спотыкается. – Трипер...*

Режиссер в ужасе:

– *Что? Что ты мелешь?!*

Андреева:

– *Трипер... Три перспективных региона посетил сегодня президент...*

4. Созвучия, ассоциации с детской речью, с шепелявостью:

Урок зоологии. Марья Ивановна спрашивает:

– *Дети, у кого самые большие яйца?*

– *У слона, - отвечает Вовочка.*

– *Фу, Вовочка, как тебе не стыдно!* – *говорит Марья Ивановна. – Правильный ответ: у страуса.*

– А, знаю! – кричит Вовочка. – Это у того, кто медленные вальсы писал.

5. Графические нарушения, которые в соответствии с наивными фонетическими представлениями должны исказить произношение:

Учительница:

– Дети, проверила ваши сочинения. Все хорошо, только Вовочка написал «птицы улЯтели на юг». Вовочка, почему «улЯтели»?

– Ну как? СклЯвали все, вот и улЯтели.

Интересно, что в данном случае обыгрывается ситуация, которая не поддерживается правилами чтения: замена *e* на *я* не должна приводить к появлению а-образного звучания (ср: пятак, ряды), однако именно такое произношение в данном случае ожидается. Смешным оно оказывается, поскольку имитирует возможные диалектные особенности, охотно обыгрываемые в дразнилках.

В этой классификации намечены основные, наиболее часто встречающиеся принципы создания комического в фонетических анекдотах, в единичных шутках используются и другие особенности.

Реализация гласных фонем в русских приставках в зависимости от длины безударной цепи

Тимофеев Виктор Владимирович

Студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Позиция в приставке признается рядом исследователей особой произносительной позицией, попадая в которую, гласные и согласные фонемы реализуются иначе, чем в остальных морфемах. По мысли Е.М. Большевой, «значимым оказывается сам факт нахождения гласной в префиксе, а в каком именно – неважно» [Большева: 52-53].

Как показали М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткина, приставка отличается тенденцией к отдельнословности, то есть «приставки часто ведут себя не как составные части слова, спаянные с другими его частями языковой традицией, а как отдельные слова» [Каленчук, Касаткина: 1-2]. Так, приставка, даже не имея сильного словесного ударения, часто произносится с гласным полного образования и /или выделяется просодически (под просодическим выделением в данном докладе объединяются как имеющее семантическую природу акцентное выделение, так и чисто техническое побочное ударение).

Гласные фонемы могут реализоваться в приставках разными звуками в зависимости от совокупности фонетических, семантических, словообразовательных, экстралингвистических факторов.

Одним из важных фонетических факторов, от которых зависит поведение гласных в приставках, является длина безударной цепи, отделяющая слог с изучаемым гласным от ударного слога. От нее зависит, с одной стороны, вероятность произнесения в приставке просодически выделенного гласного, а с другой – качество звука. В этих двух аспектах и будет рассмотрено в данном докладе влияние длины безударной цепи на поведение гласных фонем в приставках.

Л.В. Бондарко отмечает, что «ударный слог может объединять вокруг себя ограниченное количество безударных – в среднем не больше пяти-шести. Если число слогов в слове велико, то возникает так называемое побочное или второстепенное ударение» [Бондарко: 159]. В разных исследованиях по-разному подсчитывалось оптимальное расстояние между соседними ударениями во фразе – в рамках данной темы важна не столько точная цифра, сколько принцип, согласно которому мы стремимся избегать в речи длинной безударной цепи.

Материалом исследования послужили данные эксперимента, в ходе которого 90 дикторов, москвичей, носителей русского литературного произношения, начитали на диктофон специально составленные фразы, содержащие слова с исследуемыми

приставками в сильных и слабых фразовых позициях при варьирующихся орфоэпических условиях.

Информантам предлагалось прочитать предложения, включающие слова, различающиеся длиной безударной цепочки от приставки до слога с сильным ударением ударения (например, *дописьменный, допетровский, доперестроечный*). Согласно полученным данным, по мере удлинения безударной речевой цепи от приставки до ударного слога возрастает количество случаев просодического выделения гласных. Так, при наличии безударной цепочки в 0, 1, 2 и 4 слога в словах с приставкой *пред-* вероятность появления просодического выделения на слоге с приставкой составляет 0 %, 2 %, 7 % и 27 % соответственно. В словах с приставкой *до-* при безударной цепочке в 0, 1 и 2 слога просодическое выделение на приставке зафиксировано соответственно в 5 %, 33 % и 63 % дикторских ответов.

Обычно при исследовании вопроса о произношении приставок учитывалось лишь расстояние от приставки до слога с основным ударением (т. е. безударная цепочка справа от приставки). Однако если рассматривать слово в речевом потоке, логично предположить, что и безударная цепочка, отделяющая приставку от ударного слога предыдущего фонетического слова (цепочка слева), может повлиять на поведение гласных фонем в приставке. Это предположение подтверждается экспериментом, в ходе которого информанты начитывали на диктофон фразы, содержащие одно и то же слово в слабой фразовой позиции (*превозмогла доперестроечный максимум, вышла на доперестроечный уровень, применяемые в доперестроечный период* – цепочка в 0, 2 и 3 слога соответственно), с безударной цепочкой в 0 и 2 слога слева от приставки. В том случае если приставке предшествует ударный слог, гласный просодически выделяется в 40 %, если же два безударных – в 53 % случаев. В инициальной позиции приставки, по данным эксперимента, ведут себя приблизительно так же, как и после ударного слога.

На данный момент в науке нет единого ответа на вопрос, есть ли связь между просодическим выделением гласного и его качеством. Результаты экспериментов подтверждают ее наличие. В подавляющем большинстве случаев в приставке просодически выделяется гласный полного образования (в ходе эксперимента произнесение просодически маркированного, но при этом редуцированного гласного было зафиксировано только в приставке *до-* в 5,5 % случаев). С увеличением длины безударной цепи (особо отметим, что имеется в виду цепь как справа, так и слева от приставки) возрастает, как уже было сказано, количество случаев просодической выделенности гласного, и параллельно увеличивается вероятность выделения редуцированных гласных.

Литература

- Большева Е.М.* Структурная характеристика русских гласных фонем и закономерности их позиционного варьирования. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Бондарко Л.В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
- Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф.* особенности произношения русских приставок // *Russian Linguistics*. Vol. 23. 1999. С. 1-9.